АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

УДК 168.522
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-98-106

Игорь Николаевич Блохин,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: i.blokhin@spbu.ru

Формирование основ теории журналистики в русской философии XIX – начала XX века: нормативно-этическое направление

В течение XIX столетия происходило формирование журналистики как социального института, и исследователи, представляющие различные направления гуманитарных наук, начали её осмысление в качестве общественного феномена. Целью статьи является определение узловых направлений в теории журналистики, на формирование которых оказала воздействие русская философия XIX – начала XX века. Задачи заключаются в выявлении нормативно-этических проблем журналистики, находившихся в поле общественной дискуссии в русской философии отмеченного периода. Выявлению специфики философии в качестве источника отечественной теории журналистики способствует использование сравнительно-исторического анализа положений и выводов работ русских мыслителей, в той или иной степени обращавшихся к анализу журналистики. В статье демонстрируется, как в русской философии были сформированы представления об этических принципах журналистики, на базе которых постепенно складывалась система профессиональных норм. Нормативно-этическое направление в исследованиях журналистики рассматривается в системе научного гуманитарного знания в связи с усложнением его структуры. Наряду с нормативно-этическим в данный период шло становление структурно-типологического, функционального и коммуникативного подходов. Выделены отдельные направления философского анализа журналистики. Во-первых, критика безответственности, поверхностности суждений и безапелляционного невежества авторов журналистских публикаций. Во-вторых, обсуждение проблем чрезмерной пристрастности и, напротив, отчуждённой беспристрастности журналистов. В-третьих, выявление и анализ способов воздействия на массовую аудиторию с целью формирования общественного мнения, таких как односторонняя интерпретация фактов в целях пропаганды и продвижения мировоззренческих ценностей. В-четвёртых, определение противоречия между просветительской миссией журналистики и её зависимостью от рыночного спроса на информацию, эпатирующую массовую публику.

Ключевые слова: теория журналистики, русская философия, этика журналистской деятельности, профессиональные нормы, ценности, функции журналистики

Igor N. Blokhin,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia),
e-mail: i.blokhin@spbu.ru

Formation of the Foundations of Journalism Theory in Russian Philosophy of the XIX – early XX Centuries: Normative and Ethical Direction

During the nineteenth century, journalism was taking shape as a social institution, and researchers from various branches of the humanities began to think of it as a social phenomenon. The aim of the article is to define the nodal directions in the theory of journalism, the formation of which was influenced by Russian philosophy of the XIX – early XX centuries. The objectives are to identify the normative and ethical problems of journalism that were in the field of public debate in the Russian philosophy of the noted period. The identification of

© Блохин И. Н., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

the specifics of philosophy as a source of the Russian theory of journalism is facilitated by the use of comparative historical analysis of the provisions and conclusions in the works of Russian thinkers, to varying degrees, who have addressed the analysis of journalism. The article demonstrates how the Russian philosophy has formed an idea of ethical principles of journalism, on the basis of which a system of professional standards was gradually formed. The normative and ethical direction in the research of journalism is considered in the system of scientific humanitarian knowledge due to the complexity of its structure. Along with the normative-ethical approach, structural-typological, functional and communicative approaches were being developed during this period. Separate directions of philosophical analysis of journalism have been singled out. Firstly, criticism of irresponsibility, superficiality of judgments and categorical ignorance of authors of journalistic publications. Secondly, discussion of problems of excessive bias and, on the contrary, alienated impartiality of journalists. Third, identification and analysis of ways to influence the mass audience in order to form public opinion, such as one-sided interpretation of facts for the purpose of propaganda and promotion of worldview values. Fourth, to determine the contradiction between the educational mission of journalism and its dependence on the market demand for information shocking the mass public.

Keywords: theory of journalism, Russian philosophy, ethics of journalistic activity, professional norms, values, functions of journalism

Введение. Источники отечественной теории журналистики разнообразны и находятся в сферах как самой профессиональной деятельности, так и многочисленных научных областей гуманитарного знания. В рамках общей теории журналистики в процессе эволюции научной дисциплины были выделены социологическое, психологическое, политологическое, культурологическое направления. В данной работе внимание будет обращено к русской философии периода XIX – начала XX века, ко времени, когда происходило формирование журналистики как социального института, а исследователи начали её осмысление в качестве общественного феномена. Целью данной публикации является определение узловых направлений в теории журналистики, на формирование которых оказала воздействие русская философия.

Методология и методы исследования. Следует отметить, что журналистика не представляла, да и не могла представлять собой в исследуемый период приоритетный объект интереса со стороны философии. Взаимодействие журналистики и философии осуществлялось путём взаимного инструментального использования: журналисты занимались популярным изложением различных теорий, а философы пытались распространять свои идеи с помощью трибуны прессы. Имел место и интегральный эффект, когда публицист в силу разных причин (по складу ума, образованию, идеологическим установкам, влиянию окружения и др.) обретал свойства философа и уже в данном качестве занимал место в пантеоне русских мыслителей. Отмеченным способам взаимодействия философии и журналистики посвящено большое число исследований, выделим труды Г. В. Жиркова, Ф. Коплстона, О. С. Кругликовой, В. А. Сидорова, С. Н. Ущиповского [2; 6; 16; 19; 24]. В данной работе формы взаимодействия философии и журналистики будут рассмотрены лишь в контексте участия в формировании положений, лежащих в основании теории журналистики.

Анализ трудов русских философов XIX – начала XX века позволил выявить четыре основных направления, охватывающих предметные поля теории журналистики и обладающих возможностью участия в её формировании. К данным направлениям относятся: нормативно-этическое, структурно-типологическое, функциональное и коммуникативное. В работе мы обратимся к первому по времени проявления и ярко публицистически выраженному нормативно-этическому направлению. Обоснованию данного течения в теории журналистики посвящены работы С. Г. Корконосенко, Дж. Нерона, К. Норденстренга, Ю. Пиетиляйнена [5; 25; 26].

Выявлению специфики философии в качестве источника отечественной теории журналистики будет способствовать использование сравнительно-исторического анализа положений и выводов работ русских мыслителей, обращавшихся к анализу журналистики. Запланированное продолжение изучения отечественной философской традиции предполагает использование типологического метода для формирования модели источников теории журналистики, а также метода компаративного анализа на базе подхода к исследованию различных теоретических направлений как отдельных и специфических научно-методологических культур.

Результаты исследования и их обсуждение. Первым по времени сочинением, в котором были поставлены вопросы о нормах журналистики, принято считать

работу М. В. Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» (1755). Ломоносов обозначил проблемы авторской непредвзятости по отношению к излагаемому вопросу и ответственности, вызванной публичным характером журналистской деятельности [7]. Начало дискуссии о нормах журналистской деятельности и профессиональной этике в XIX веке положила история опубликования «Философического письма» П. Я. Чаадаева в журнале «Телескоп» (ред. – Н. И. Надеждин) в 1836 году. Цикл «Философических писем» был создан в 1828–1830 годах, но первое из них было опубликовано только спустя семь лет после написания. Чаадаев, описывая данное обстоятельство, указывал: «Письмо написано было не для публики, с которою я никогда не желал иметь дела, и это видно из каждой строки оного; вышло оно в свет по странному случаю, в котором участие автора ничтожно; журналист, очевидно, воспользовался неопытностью автора в делах книгопечатания, желая, как он сам сказывал, “оживить свой дремлющий журнал или похоронить его с честию”» [20].

Историк русской философии В. В. Зеньковский полагал, что автор не возражал против публикации: «Письмо было напечатано не по инициативе Чаадаева, хотя и с его согласия» [3, с. 154]. О мотивах Надеждина, принявшего решение обнародовать сочинение, Чаадаев писал: «Журналист просто-напросто принял риторическую фигуру, применённую к тому же, на мой взгляд, очень уместно, за религиозную революцию» [21, с. 296]. И редактор, и автор стремились к возмущению общественного мнения, не принимая во внимание возможных последствий. Г. Г. Шпет в «Очерке развития русской философии» рассматривал данную ситуацию в контексте институционального развития журналистики: «В новую эпоху – эпоху Пушкина – возникла новая журналистика, сама не ведавшая ещё, что творившая, ибо она так же невинно делала своё дело, как невинное дитя может затащить в свои игрушки заряженное ружьё. Так, например, невинно, т. е. не только без предвидения последствий, но и без сознания значения совершенного акта, Чаадаев зарядил своё *Философическое письмо,* а Надеждин им выпалил» [22, с. 324]. Безответственное желание эпатировать массового читателя привело к печальным последствиям: автор был объявлен сумасшедшим, журнал прекратил своё существование, а редактор был выслан из столичного Санкт-Петербурга. История опубликования «Философического письма» П. Я. Чаадаева стала яркой иллюстрацией перемен, переживаемых русской журналистикой в ходе её эволюции от индивидуального просветительства (особенно характерного для публицистики XVIII в.) к профессиональной, организованной в рамках редакций, деятельности.

Особый предмет интереса отечественных мыслителей представляли публикуемые критические сочинения. Философ и публицист И. В. Киреевский возражал против принципа беспристрастности журналистики, выхолащивающего остроту полемики и превращающего публициста из убеждённого автора в отчуждённого от предмета произведения транслятора. Беспристрастность имела следствием бессистемность в изложении и эклектичность мировоззренческой позиции, которая в отношении отдельного издания, несомненно, должна была бы быть целостной и непротиворечивой. Анализируя критические произведения, публикуемые в журнале «Библиотека для чтения», Киреевский писал: «Господствующий характер её есть совершенное отсутствие всякого определённого образа мыслей. Она хвалит нынче то, что вчера порицала; выставляет нынче одно мнение и нынче же проповедует другое; для того же предмета имеет несколько противуположных взглядов; не выражает никаких особенных правил, никаких теорий, никакой системы, никакого направления, никакой краски, никакого убеждения, никакой определённой основы для своих суждений и, несмотря на то, однако, постоянно произносит своё суждение обо всём, что является в литературе или науках» [4, с. 193–194]. Задачу журнальной критики Киреевский видел именно во влиянии на литературу, при этом скептически относился к явлению, которое сейчас именуется медиакритикой: «Затруднительно журналу произносить своё мнение о других журналах. Похвала может казаться пристрастием, порицание имеет вид самохвальства» [Там же, с. 193].

Пристрастность журналистики, особенно вызванная мировоззренческими и идеологическими убеждениями, также не избежала философской критики. Неравномерное присутствие философских школ в прессе XIX века охарактеризовал Л. М. Лопатин: «…философии в эту эпоху как-то не посчастливилось: ею мало интересовались

и, благодаря продолжительному исключению философии из числа предметов университетского преподавания, её мало знали. Тогдашняя журналистика главным образом заботилась о популяризации у нас разных книжек материалистического лагеря, которые о настоящих задачах философии давали самое превратное представление» [8, с. 108]. В общей картине отношений философии и отечественной журналистики наблюдалось две крайности. С одной стороны, была выражена популяризаторская функция без чётко выраженной мировоззренческой позиции, с другой – пропаганда материалистических идей, оказывающих влияние на молодую образованную аудиторию и провоцирующих грядущие социальные изменения.

Философ П. Д. Юркевич описал явление «партийности» – причастности журналистов к тому или иному политико-мировоззренческому лагерю («партии») и их зависимости от идей и взглядов, бытующих в интеллектуальных кружках и группах, в которые постепенно превращались редакции. Данный процесс, наряду с зависимостью от публики, стал ещё одним признаком эволюционной ступени в развитии журналистики от индивидуально-просветительского состояния к уровню групповой профессиональной организации. Юркевич продемонстрировал журналистскую «партийность» на примере анализа рецензии А. М. Антоновича на работу британского учёного Д. Г. Льюиса «Физиология обыденной жизни»: «Вопросы о душе, вопросы, которых медленное разъяснение в области науки не удовлетворяет людей много желающих и мало думающих, сделались в нашей современной литературе знаменем, по которому каждая партия с глупою лёгкостию узнаёт своих и открывает противников. При таком положении науки самый ясный и отчётливый учёный рискует быть непонятым или перетолкованным. <…> Во второй книжке “Современника” за текущий год г. Антонович поместил рецензию на “Физиологию” Льюиса, рецензию, которая имеет своею целью оправдать давно явившиеся в свет и, может быть, уже забытые публикою статьи г. Чернышевского об антропологическом принципе в философии. …рецензия чужой книги, написанная с такою частною, а не общенаучною целию, может быть встречена предубеждением и недоверием» [23, с. 364]. Данный пример демонстрирует наличие в журналистской среде сформированных дискурсивных рамок, влияющих не только на отбор критикуемых произведений, но и способствующих пропаганде собственных мировоззренческих ценностей.

Н. А. Бердяев связывал «партийность» с отсутствием культуры журналистской полемики, которое со временем стало рассматриваться как одна из характеристик манипуляции: «…применение политических критериев к интимнейшим запросам человеческого духа с одной стороны, а с другой – оценка политического credo по критериям совершенно не политическим есть несомненный показатель некультурности, низкого уровня как политического, так и умственного развития. Пусть наши полемизирующие и критикующие журналисты научатся делать философские возражения на философские утверждения, пусть признают за человеческой личностью право на полноту духовных переживаний, тогда можно и должно будет с ними разговаривать на культурном языке» [1, с. 246]. Подобные смысловые смещения наблюдаются, в частности, как форма языковой дискурсивной игры, заключающейся в трансфере философских высказываний в поле политической борьбы и даже при оценке личностного своеобразия оппонента.

Русские философы не могли обойти вниманием проблемы формы высказываний в публичной сфере. В. С. Соловьёв в ответ на критику своих взглядов в газете «Московские ведомости» деликатно разделил возможности и нормы в журналистике. Возможным он посчитал незнание («нравственной обязанности в этом нет …присяжному журналисту избежать этого греха очень трудно»), но резко возразил против формы выражения: «…выступать по совершенно незнакомым предметам с решительными, категорическими и подчёркнутыми утверждениями, противными истине, прибавляя к ним ругательства против людей более компетентных, – это уже совсем стыдно» [17, с. 391].

Бердяев в качестве главной причины эпатирующих высказываний, категоричности в оценках и оскорбительных выражений видел зависимость журналистов от аудитории: «В сущности, психология полемики безнравственна и апеллирует она к низшим, а не высшим сторонам человеческой природы. Прислушайтесь к полемике в литературе или в устных спорах. Всегда поражает, до чего забываются те вопросы, о которых полемика ведётся, до чего мало выясняется истина, до чего полемизирую-

щие находятся в рабском подчинении у какой-то третьей, инородной силы, у публики, привлечь сердца которой хочет каждая из сторон. Мы страшные жертвы приносим во имя наших слушателей и читателей, и уловление сердец малых сих давно уже заслонило от нас уловление истины и правды. В полемике всегда есть что-то демагогическое, всегда она обращается к тем или другим инстинктам массы и всегда за ней скрывается психология рабства у толпы. Цель полемики – склонять на свою сторону аудиторию, вызвать свистки и рукоплескания, и шум этот редко бывает торжеством истины» [1, с. 243–244]. Бердяев выявил основное противоречие ожиданий между журналистикой и публичной сферой в целом. От журналистики как социального института ожидается конструктивное обсуждение проблем, поиск, выработка и соучастие в реализации оптимальных решений. Для публичной сферы массовой коммуникации характерна необходимость вовлечения публики, привлечения и удержания аудиторий. Необходимость эта с течением времени всё более обусловливается экономическими причинами – прибылью от рекламы, формированием потребительских ориентаций, «монетизацией контента» и т. п. Самыми простыми способами вовлечения являются эмоциональные воздействия, обращения к агрессии, страху, умилению и другим «инстинктам массы».

Находясь в поле актуальной общественной дискуссии, русская философия инициировала обсуждение вопроса о сути и формах социального прогресса, который, по выражению Н. Н. Страхова, зачастую преподносился в «смысле *новости*». Страхов анализировал прогрессизм на примере дискуссии Д. И. Писарева и И. С. Тургенева, в частности, об обращении в актуальной публицистике к наследию А. С. Пушкина: «Говорить о Пушкине в 1866 году, по мнению г. Тургенева, есть для журналиста непростительный архаизм, – дело, не представляющее никакого насущного, живого интереса. Г. Тургенев не видит никакой *цели*, которая могла бы *оправдать* толки о таком древнем писателе, как Пушкин, и о такой ненужной и ненасущной вещи, как поэзия» [18, с. 189]. В данной полемике нашло своё выражение отношение к принципу актуальности, как сущностному признаку журналистики. Актуальность, по мнению Страхова, не столько «новость», сколько сам контекст современности, в который автор вовлекает предмет своего журналистского внимания и аудиторию своего произведения. Уже сам факт появления сочинения в скоротечном формате периодической печати определяет и фиксирует свойство актуальности для публики.

В яркой публицистической форме этические проблемы журналистики были представлены В. В. Розановым, который, будучи одним из крупнейших мыслителей своего времени, сочетал философствование с работой в редакциях различных периодических изданий («Русский вестник», «Русское обозрение», «Новое время») в качестве критика и публициста. В. В. Зеньковский характеризовал Розанова как типичного журналиста, «нарочито не желающего придать своим высказываниям логическую стройность», но при этом очень цельного человека и мыслителя [3, с. 435]. Сам Розанов прекрасно понимал поверхностность суждений и суетливость журналистов, объясняя эти качества спецификой профессии: «…журналист не может отрешиться от калейдоскопа вертящихся перед ним узоров жизни, её высокого и, чаще, её низкого и не утратить в очень значительной степени способность длинных, вязнущихся, цепких ощущений. Всё соскальзывает. Ничто не может “по долгу службы” держаться долго. Такова профессия. И если тут есть дурное, то гораздо больше есть несчастия» [14, с. 29]. Противоречивость журналистики, по мнению Розанова, состоит в сочетании «чрезвычайного разнообразия тем» и способности «схватывать особую ценность предметов, слов, понятий, тем, вопросов» [15, с. 501]. Журналист не живёт идеями и теориями, его интересуют факты, «журналистика наша пугливо обходит каждый интерес, который мог бы дожить до завтра, она вся и безраздельно погрузилась в тревоги дня, с ними возникает и с ними же, конечно, и умрёт» [14, с. 18].

В работах Розанова неоднократно ставится вопрос о значении ценностей для журналистики, обусловленный пониманием профессионального долга. С одной стороны, долг журналиста состоит в служении народу и Отечеству, иногда с нюансировкой и даже дифференциацией «народного» и «государственно-политического» начал. С другой стороны, журналист не может быть свободен от интересов какой-либо «партии» или (в случаях работы в массовой прессе) публики, взыскующей развлечений и острых ощущений. На это противоречие указывал издатель и журналист А. С. Суворин в одном из своих писем к Розанову:

«Журналистика мелет о страданиях актёра, литератора, адвоката, биржевика, о всякой интеллигентной падали. О страданиях деревни никто не говорит. Маленькие заметки о том, что дожди погубили урожай. Большие статьи и фельетоны о банкротстве Мамонтова и других, о глупой пьесе, о петербургских интересах. А дожди принесут голод. Они отняли миллионы рублей у населения, которое молчит и перебивается, Ты, Господи, видишь – чем» [9, с. 298].

В философской публицистике Розанова критикуется «обмельчание» журналистики, её «роковая оторванность от жизни» и хамство, поклонение «хаму-читателю с его “рублём” и рыночною “славой”, которую он даёт» [10, с. 187–188]. Зависимость журналистики от рынка, в частности, была рассмотрена Розановым на примере эпатажных публикаций под псевдонимами: «Следующее же произведение этого автора, как только под ним выставлено “нашумевшее” имя, уже не залежится непрочитанным в архивах редакции, его раньше других возьмёт редактор в руки, и, даже если оно и слабо, он будет иметь предрасположение напечатать его, не полагаясь с абсолютностью на свой вкус. “Публике нравится”, “вызывает разговоры” – это такая могущественная аттестация в мире печати, наполовину торговом…» [11, с. 315].

Критические характеристики, высказанные Розановым, зачастую выражали его склонность к социально-психологическим обобщениям. Примером может служить описание приема манипулятивного воздействия с целью переноса акцента с формы изложения на его предмет: «…делалось скорбное лицо, грустные глаза, и в несносном, ноющем тоне передавались ничтожные события глухой провинциальной жизни, никакого в сущности значения не имеющие… привычный читатель толстого журнала вместо того, чтобы переменить подписку на бездарный журнал, приходил к непоколебимому убеждению, что нет более бездарной страны, чем Россия, где всё решительно отвратительно и, прежде всего, везде и всегда невыносимо скучно» [12, с. 201].

Спецификой нормативно-этического направления является его основание на тезисе долженствования, на проблемах идеального бытия журналистики, исходя из системы представлений о том, какой она должна быть. Базис нормативности предполагает обращение к категории «ценности», изучение которой в теории журналистики разворачивается как спектр аксиологических исследований. Аксиология в отношении этапов истории журналистики и её существования в различных культурных и цивилизационных условиях проявляется, в том числе, и как метод «отнесения к ценности». «Отнесение» заключается в признании разнообразия нормативных толкований, что приводит к дифференциации не просто теорий журналистики, но и самих нормативных теорий. В частности, выделение административно-юридического (правового), профессионально-деонтологического (этического) и производственно-прагматического (технологического) направлений [5, с. 12].

Хронологически «отнесение» осуществлялось на основе эволюции самой журналистики. На рубеже XVIII–XIX веков она переживала переход от индивидуально-просветительской к профессионально-организованной деятельности. К рубежу XIX–XX веков отчётливо обозначился переход к качеству социального института, который нашёл своё окончательное оформление в советский период, когда была создана система профессионального журналистского образования. Подобная трансформация наблюдается и в настоящее время, когда под воздействием технологических факторов происходит функциональное дополнение журналистской профессии массовой информационно-коммуникативной деятельностью.

Дифференциация направлений исследования журналистики в XIX – начале XX века была обусловлена усложнением структуры научного гуманитарного знания. Помимо нормативно-этического направления в данный период шло становление структурно-типологического, функционального и коммуникативного подходов. В структурно-типологических исследованиях анализу подвергались формирующиеся группы периодических изданий, психотипы авторов и героев журналистских произведений. Функциональный подход изначально формировался как социологический и, наряду с нормативно-этическим, претендовал на универсальность в объяснении законов общественного бытия. Специфика использования коммуникативного способа состояла в акцентуации на процессе взаимоотношений социальных акторов, на эмпирически обнаруживаемых социальных действиях.

Исходя из разнообразия теорий и, тем более, дифференциации направлений в

рамках отдельных теоретических групп, насущным требованием настоящего времени является обоснование сущностных, центральных, «ядерных» принципов, позволяющих определить и объяснить феномен журналистики.

Выводы. Таким образом, в трудах русских философов и философской публицистике XIX – начала XX века были сформированы представления об этических принципах журналистики, на базе которых постепенно складывалась система профессиональных норм. Нормативно-этическое направление в исследованиях журналистики развивалось в системе отечественного научного гуманитарного знания, структура которого дифференцировалась и усложнялась с течением времени. Наряду с нормативно-этическим в данный период шло становление структурно-типологического, функционального и коммуникативного подходов. На дифференциацию направлений исследования журналистики оказывали влияние факторы, сопровождавшие и обусловливающие её эволюционное развитие. В период XIX – начала XX века журналистика развивалась от индивидуально-просветительского уровня к профессионально-организованной деятельности, а на рубеже веков приобрела свойства социального института.

Отечественные философы в теоретической и публицистических работах подвергали критике безответственность журналистов и редакторов, поверхностность суждений и безапелляционное невежество авторов публикаций. Философы (в том числе, с использованием трибуны периодической печати) участвовали в общественных дискуссиях о проблемах чрезмерной «партийности» и, напротив, отчуждённой беспристрастности журналистов. В русской философской мысли анализировались и вскрывались способы воздействия на массовую публику с целью формирования общественного мнения, например, односторонняя интерпретация фактов для пропаганды и продвижения мировоззренческих ценностей. Было определено и описано противоречие между просветительской миссией журналистики и её зависимостью от эпатажного содержания периодических изданий, воздействующего на массовую публику и определяющего рыночный спрос.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Ответ критикам // Sub Specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002. С. 241–254.

2. Жирков Г. В. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 318 с.

3. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Акад. проект: Раритет, 2001. 880 с.

4. Киреевский И. В. Обозрение современного состояния литературы // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 154–203.

5. Корконосенко С. Г. Нормативные теории журналистики в России: ретроспективный взгляд // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 5. С. 12–25.

6. Кругликова О. С. Русская консервативная публицистика второй половины XIX века. СПб.: Высш. школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, 2017. 245 с.

7. Ломоносов М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии. URL: http://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (дата обращения: 24.11.2019). Текст: электронный.

8. Лопатин Л. М. Философское миросозерцание В. С. Соловьёва // Философские характеристики и речи. М.: Академия, 1995. С. 107–135.

9. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову // Собрание сочинений. Признаки времени (статьи и очерки 1912 г.) / В. В. Розанов. М.: Республика: Алгоритм, 2006. С. 291–334.

10. Розанов В. В. Ещё одно бурление // Собрание сочинений. В чаду войны (статьи и очерки 1916–1918 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 186–188.

11. Розанов В. В. На книжном и литературном рынке // Собрание сочинений. Около народной души (статьи 1906–1908 гг.). М.: Республика, 2003. С. 314–318.

12. Розанов В. В. Наши грустящие публицисты // Собрание сочинений. Старая и молодая Россия (статьи и очерки 1909 г.). М.: Республика, 2004. С. 201–203.

13. Розанов В. В. Памяти Вл. К. Петерсена // Собрание сочинений. Около народной души (статьи 1906–1908 гг.). М.: Республика, 2003. С. 29–31.

14. Розанов В. В. Паскаль // Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 12–34.

15. Розанов В. В. Содержание и пространство заповеди: «Не прелюбодействуй» (по поводу замечаний П. В. Тихомирова) // Собрание сочинений. Природа и история (статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 499–514.

16. Сидоров В. А. Социально-философское знание о журналистике // Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Алетейя, 2018. С. 66–93.
17. Соловьёв В. С. Письмо к издателю // Сочинения: в 2 т. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 387–391.
18. Страхов Н. Н. Заметки о Белинском // Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 172–191.
19. Ущиповский С. Н. Русская историческая периодика 1861–1917 годов. СПб.: Роза мира, 2008. 195 с.
20. Чаадаев П. Я. Письмо брату М. Я. Чаадаеву // Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. С. 255–256.
21. Чаадаев П. Я. Письмо графу Сикуру // Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. С. 295–300.
22. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. Ч. 1. 592 с.
23. Юркевич П. Д. Язык физиологов и психологов // Философские произведения. М.: Правда: Вопросы философии, 1990. С. 358–466.
24. Copleston F. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. Kent: Notre Dame: Search Press: University of Notre Dame, 1986. 445 p.
25. Nerone J. The Historical Roots of the Normative Model of Journalism // Journalism. 2013. Vol. 14, No. 4. Pp. 446–458. DOI: 10.1177/1464884912464177.
26. Nordenstreng K., Pietiläinen J. Normative Theories of the Media: Lessons from Russia // Media, Communications and the Open Society / ed. by Ya. Zassoursky, E. Vartanova. M.: Faculty of Journalism: Lomonosov Moscow State University, 1999. Pp. 146–159.

Статья поступила в редакцию 27.12.2019; принята к публикации 25.01.2020

Сведения об авторе

Блохин Игорь Николаевич, доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 26; e-mail: i.blokhin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-6582-3951.

Библиографическое описание статьи

Блохин И. Н. Формирование основ теории журналистики в русской философии XIX – начала XX века: нормативно-этическое направление // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 1. С. 98–106. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-98-106.

References

1. Berdyaev, N. A. Response to critics. In Sub Specie aeternitatis. Philosophical, social and literary surveys (1900–1906). M: Canon+, 2002: 241–254. (In Rus.)
2. Zhirkov, G. V. Journalism of the Russian abroad of the XIX–XX centuries. SPb: Publishing House of St. Petersburg State University, 2003. (In Rus.)
3. Zen'kovskij, V. V. History of Russian philosophy. M: Akademicheskiy proekt, Raritet, 2001. (In Rus.)
4. Kireevskiy, I. V. Review of the current state of literature. Criticism and aesthetics. M: Iskusstvo, 1979: 154–203. (In Rus.)
5. Korkonosenko, S. G. Normative theories of journalism in Russia: a retrospective view. Questions of theory and practice of journalism, no. 5, pp. 12–25, 2014. (In Rus.)
6. Kruglikova, O. S. Russian conservative journalism of the second half of the XIX century. SPb: Higher school of journalism and mass. communications SPBU, 2017. (In Rus.)
7. Lomonosov, M. V. A discourse on the duties of journalists in the presentation of their writings, intended to maintain the freedom of philosophy. Web. 24.11.2019. http://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (In Rus.)
8. Lopatin, L. M. Philosophical worldview of V. S. Solovyov. In Philosophical characteristics and speech. M: Academia, 1995: 107–135. (In Rus.)
9. Letters of A. S. Suvorin to V. V. Rozanov. Rozanov, V. V. Collected works. Signs of time (Articles and essays 1912). M: Respublika, Algoritm, 2006: 291–334. (In Rus.)
10. Rozanov, V. V. Another seething. Collected works. In waste of war (Articles and essays 1916–1918). M: Respublika; SPb: Rostok, 2008: 186–188. (In Rus.)
11. Rozanov, V. V. In the book and literary market. Collected works. About the people's soul (Articles 1906–1908). M: Respublika, 2003: 314–318. (In Rus.)
12. Rozanov, V. V. Our sad publicists. Collected works. Old and young Russia (Articles and essays 1909). M: Respublika, 2004: 201–203. (In Rus.)

13. Rozanov, V. V. V. K. Petersen's Memory. Collected works. About the people's soul (Articles 1906–1908). M: Respublika, 2003: 29–31. (In Rus.)

14. Rozanov, V. V. Paskal. Collected works. Aesthetic understanding of history (Articles and essays 1889–1897). – Twilight of enlightenment. M: Respublika; SPb: Rostok, 2009: 12–34. (In Rus.)

15. Rozanov, V. V. The content and space of the commandment: "Thou shalt not commit adultery" (concerning the remarks of P. V. Tikhomirov). Collected works. Nature and history (Articles and essays 1904–1905). M: Respublika; SPb: Rostok, 2008: 499–514. (In Rus.)

16. Sidorov, V. A. Social and philosophical knowledge of journalism. In Korkonosenko, S. G., editor Theory of journalism in Russia. SPb: Aleteya, 2018: 66–93. (In Rus.)

17. Solovyov, V. S. Letter to the publisher. Collected works. v 2 t. T. 2. Reading about God-manhood. Philosophical journalism. M: Pravda, 1989: 387–391. (In Rus.)

18. Strakhov, N. N. Notes on Belinsky. In The struggle with the West. M: Institute of Russian civilization, 2010: 172–191. (In Rus.)

19. Ushchipovskiy, S. N. Russian historical periodicals 1861–1917. SPb: Roza mira, 2008. (In Rus.)

20. Chaadaev, P. Ya. A letter to brother M. Ya. Chaadaev. In Articles and letters. 2nd ed., extra. M: Sovremennik, 1989: 255–256. (In Rus.)

21. Chaadaev, P. Ya. Letter to count Sikur. In Articles and letters. 2nd ed., extra. M: Sovremennik, 1989: 295–300. (In Rus.)

22. Shpet, G. G. Essay on the development of Russian philosophy. I. M: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. (In Rus.)

23. Urkevich, P. D. Language of physiologists and psychologists. In Philosophical works. M: Pravda, Voprosi philosophii, 1990: 358–466. (In Rus.)

24. Copleston, F. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. Kent; Notre Dame: Search Press; University of Notre Dame, 1986. (In Engl.)

25. Nerone, J. The Historical Roots of the Normative Model of Journalism. Journalism, vol. 14, no. 4, pp. 446–458, 2013. DOI: 10.1177/1464884912464177. (In Engl.)

26. Nordenstreng, K., Pietiläinen, J. Normative Theories of the Media: Lessons from Russia // Media, Communications and the Open Society / ed. by Ya. Zassoursky, E. Vartanova. Moscow: Faculty of Journalism; Lomonosov Moscow State University, 1999: 146–159. (In Engl.)

Received: December 27, 2019; accepted for publication January 25, 2020

Information about author

Blokhin Igor N., Doctor of Political Science, Associate Professor, Saint Petersburg State University; VO, 1 Line, 26; Saint Petersburg, 199004, Russia; e-mail: i.blokhin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-6582-3951.

Reference to the article

Blokhin I. N. Formation of the Foundations of Journalism Theory in Russian Philosophy of the XIX early XX Centuries: Normative and Ethical Direction // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 1. PP. 98–106. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-98-106.